

Определенно бесстыдная персона

Ань И посмотрел на это знакомое, но незнакомое лицо. Как и ожидалось, у нее хорошие навыки. Женщине нужно только немного повозиться с ним, и она станет совершенно другим человеком. Но, пожелай она, даже под совершенно другой личиной люди, знакомые с ее настоящим обликом, сразу же узнают ее.

— Как и следовало ожидать от защитницы барышни. Ты так быстро нашла это место.

— Называй меня Гун момо, — она была слишком ленива, чтобы беспокоиться об Ань И. Поначалу аромат, который использовала барышня, готовился ею самой, но впоследствии о нем заботилась она, ближайшая слуга. Так что он более чем знаком. Как женщина с ее чувствительным обонянием могла не почувствовать такой, пусть слабый, но очень приятный и уникальный запах? Если она даже так не сможет их найти, то насколько она бесполезна? Гун момо взглянула на карету и нахмурила брови: — Ваше высочество, чистая репутация барышни очень важна, прошу ради барышни принять это во внимание и подумать.

Ань И был несколько недоволен:

— Защитница, это же господин, как ты можешь быть такой грубой?

— Называй меня Гун момо. Два года назад, когда меня отправили в Циань Фу, мой господин уже изменился. Теперь моя единственная хозяйка — это третья барышня семьи Ло.

Ань И подумал о своем собственном господине и закрыл рот.

Ли Хун Юань наполовину опирался на стенку кареты. Он держал в объятиях бессознательную и ничего не подозревающую Цзин Вань. Словно страдая от жажды, он непрерывно прикасался кончиками пальцев к ее лицу и шее, блуждая ими по девичьей коже. Гладкость и нежность заставляли все его тело практически вибрировать. Ему хотелось вжать всю Цзин Вань в себя до последней косточки, плоть к плоти, кровь к крови, но, услышав, как она душно стонет от дискомфорта, он неосознанно ослабил свою хватку.

Опустив голову, он легкими и мягкими прикосновениями губ тронул лоб Цзин Вань, затем перешел к глазам, переносице, кончику носа, щеке, мочке уха, шее... Он целовал до самозабвения, совершенно не в состоянии оторваться от нее. Наконец, его губы упали на соблазнительные и нежные розовые уста. Он только лизнул их, не осмеливаясь проникать глубже, потому что знал: войдя, он не сможет контролировать себя. На протяжении многих лет он жил как монах-аскет, не прикасающийся к скверне. Он знал, что, как только двинется дальше, плотина просто рухнет от паводка.

От его возрождения и до сих пор прошло двенадцать лет. Наконец-то он снова мог обнять ее. Когда он только вернулся, Вань Вань исполнилось всего два года. Какая жалость, что Циань Фу слишком далеко от столицы. Кроме того, он оказался заперт во дворце и не мог видеть ту

крошечную булочку, какой была тогда Вань Вань. Даже когда он послал к ней своих людей, ему все равно пришлось ждать целых шесть лет, пока он не покинул дворец, чтобы открыть ванфу в шестнадцать. Расти он все это время Вань Вань рядом с собой, то взрослая она, вероятно, не была бы той Вань Вань, которую он хотел. Потому что он прекрасно понимал: один и тот же человек, воспитанный в другом окружении и другими людьми, станет совершенно иным человеком. Из-за этого в эти десять с небольшим лет, когда Вань Вань жила в Циань Фу, особенно последние годы, помимо оказания помощи исподтишка, он не изменил ее образ жизни. Даже если он и послал Гун момо, кроме защиты и заботы о здоровье, она занималась только ее обучением, преподавая некоторые общие правила и этикет. Кроме этого, он не делал ничего чрезмерного. Он просто боялся, что Вань Вань перестанет совпадать с тем человеком, что жил в его воспоминаниях. Но, к счастью, она все еще была ею. Обеспечив это, он полностью поменяет следующую часть ее жизни.

Их губы не разделялись очень долго, а потом Ли Хун Юань тихо и горестно вздохнул:

— Ревнулька [1], ты знаешь, сколько ради тебя пережил этот принц? В будущем тебе придется сильно постараться, чтобы должным образом компенсировать это, — его ладонь будто "невежественно" приземлилась на грудь Цзин Вань. На его несравненном лице царила невозмутимость, но он, как старый извращенец, сжал руку, и высказался, казалось бы, недовольный размером "помятого" объекта: — Как и ожидалось, по сравнению с несколькими годами позже, прямо сейчас все еще слишком маленькие. Однако у незрелого плода свой ни на что не похожий вкус, — как будто размышляя над чем-то, он облизнул губы.

В темных блестящих глазах, казалось, пылало всепоглощающее безумие, но в то же время они говорили о бесконечной, неисчерпаемой нежной любви и привязанности.

Низкий голос звучал соблазнительно, но он заставил лица двух людей снаружи инстинктивно дергаться, они ненавидели себя за собственный хороший слух. Этот мужчина, как и следовало ожидать, ненормальный. Допустим, взрослый гордит чушь, но он вольничает и практически бесчестит юную девушку из представительной семьи, у него совесть есть вообще?!

Тут один за другим появились еще двое мужчин в черном. Один из них держал покалеченный черный пион. Только, увидев обстановку, они замерли, не собираясь приближаться.

Гун момо была немного взволнована. Если они не вернутся сейчас, люди забеспокоятся. Более того, независимо от того, встретится ли незамужняя дочь семьи с какой-то неожиданной ситуацией или нет, долгое исчезновение приведет к возникновению пустых сплетен.

— Ваше высочество...

— Как все прошло? — Ли Хун Юань вопросом прервал открывшую рот Гун момо.

Та вздохнула и отступила в сторону. Ей не нужно слушать о вещах, которые ее не касались. Даже если иногда слово или полслова доносились до нее, она все равно забудет об этом в следующую же минуту.

Двое мужчин в черном стремительно пошли вперед:

— Господин, обо всем позаботились. Мы также получили вещь из здания Сотен цветов.

Хозяином здания Сотен цветов, остававшимся в тени, числился Ли Хун Мин. На этот раз он "попытался украсть курицу, но в итоге лишь просыпал горсть риса" [2], понеся большие потери. Что касается Кан циньвана и Гун циньвана, естественно, они тоже были не в лучшем положении. В этом раунде Ли Хун Юань стал охотником, одним ударом покончившим с первыми тремя.

Ли Хун Юань едва слышно угукнул, затем, спустя еще один короткий промежуток времени, он наконец-то вышел из кареты с Цзин Вань на руках. Остальная троица очень проникательно опустила головы.

Гун момо пошла вперед, чуть ли не выхватывая Цзин Вань у него из рук. Она внимательно осмотрела ее декольте и другие более-менее открытые области. Не увидев никаких следов, она вздохнула с облегчением. Неважно, произошло это из-за того, что ее слова возымели эффект, или из-за того, что его высочество взял себя в руки. У нее не было способа остановить его. Она могла только пытаться защищать барышню, насколько это было возможно.

— Этот принц не какой-то свирепый зверь, — потемнел лицом Ли Хун Юань.

Гун момо взглянула на него, словно говоря: "Никакие наводнения и хищные звери с вами не сравнятся".

Лицо Ли Хун Юаня стало еще темнее. Однако Гун момо не очень испугалась его. Не только потому, что она "схватила" его "слабость", но и потому, что сама, в принципе, не слишком боялась его. Можно сказать, что Гун момо наблюдала, как Ли Хун Юань рос.

— Эта слуга прощается.

Что касается этого черного пиона, с учетом склонностей его высочества, он обязательно придумает способ отправить его в руки барышни.

Ли Хун Юань наблюдал за тем, как Гун момо исчезла вместе с Цзин Вань на руках, и его усилившаяся жестокая аура привела оставшуюся троицу в священный трепет. Они ненавидели то, что не могли просто взять и исчезнуть. Он и так-то походил на неустоявшуюся погоду, был бесконечно мрачным и злобно-жестоким, а тут еще и сексуальная неудовлетворенность добавилась, как им жить дальше? Неужели этот ад крошечный продлится до того момента, пока ванфэй не выйдет замуж?

Ло Пэй Шань с остальными некоторое время собирались вместе. Все они получили ранения разной степени тяжести, однако, к счастью, не серьезные, и жертв тоже не было.

— Где Вань Вань? — присутствовала даже служанка Цзин Вань, Цин Чжу, только она и Гун момо пропали. Мрачное лицо Ло Пэй Шаня можно было выжимать, как грозовую тучку. Прямо сейчас здание Сотен цветов полыхало слишком интенсивно, было просто невозможно убежать. Если они подождут, пока огонь не погаснет, то к тому времени останется только пепел.

Тело Цин Чжу сразу обмякло, словно она потеряла душу:

— Барышня, барышня... — она хотела вернуться в здание Сотен цветов.

— Достаточно, твоя барышня все еще в порядке, что за траурный плач? — Ло Пэй Шань на данный момент полностью проявил свои величие и мощь, накопленные за годы пребывания на высоком посту. — Идите ищите их, возможно, они вышли с другого выхода, — у него все еще была его рациональность, и он не позволил идти в горящее здание. Вломишься туда без какой-либо защиты и, несомненно, найдешь только смерть. Как они вообще могли спасти Цзин Вань?

Сунь И Линь и Сунь И Цзя тоже отправили своих людей. Они оба не верили, что Цзин Вань просто так умрет.

Никто не знал, что крепко сжатые кулаки Сунь И Линя дрожали, а его сердце в панике трепыхалось где-то в горле. Так или иначе, эта девушка для него уже отличалась от остальных. Он успокаивающе похлопал свою столь же испуганную младшую сестру по руке:

— Оставайся рядом с двумя старшими и никуда не уходи. Я тоже пойду посмотрю.

Сунь И Цзя кивнула, движения ее были несколько окостеневшими. Она родилась знатной, поэтому у нее действительно не имелось настоящих близких друзей. Но теперь, она наконец-то встретила того, с кем сошлась характерами, кого-то, кто выглядел ничем не отличающимся от обычной благородной барышни, но время от времени демонстрировавшем некоторые отличия. Она жила с непоколебимой решительностью, беззаботной и безудержной. Сунь И Цзя должна была признать, что в ее собственном сердце родились определенные желания. Она молилась, надеясь, что Цзин Вань в безопасности.

Огонь становился все сильнее и сильнее. Поскольку одновременно загорелось множество мест, пожары постепенно объединялись в один. Отряд обороны города и пожарно-спасательная армия, в конце концов, "медленно прибыли". Глядя на текущую ситуацию, добрая половина этого цветочного рынка, вероятно, окажется разрушенной. Если они быстро не потушат огонь, то он распространится еще дальше, нанося невообразимый ущерб городу. Выражения на лицах лидеров двух войск были очень уродливы. Особенно у капитана пожарно-спасательной армии, он сразу чуть не потерял сознание. После того, как с этим вопросом закончат, ему определенно не сносить головы.

[1] Это я так перевела сие сочетание иероглифов 醋罍 — дословно — маленький уксусный неглубокий широкий глиняный сосуд с узким дном. Уксус — это ревность, так что мне показалось логичным слово "ревнивица", но тут акцент на маленькая, так что "ревнулька"

[2] обр. в знач. получить прямо противоположные результаты

<http://tl.rulate.ru/book/19909/765492>